

localnic стал *-nic* в результате ассимилятивного влияния со стороны исконных слов с суффиксом *-nic* — *darnic* (*dar* + *-nic*), *jalníc* (*jale* + *-nic*) и др.

В литературе отмечается иногда, что заимствование окончательно получает право гражданства, если оно, между прочим, начинает создавать производные слова¹. Нельзя, конечно, отказать в справедливости такому замечанию, однако в этой связи необходимо строго отличать литературные факты от фактов нелитературных, в частности диалектных. Румынский язык знает немало примеров восточнославянских заимствований с большими словообразовательными гнездами (ср., например, *hulub* — *hulubaş*, *hulubiţă*, *hulubel*, *hulubică*, *huluban*, *hulubărie*)², которые тем не менее находятся на периферии общенародного употребления. С другой стороны, некоторые производные слова (ср. *franţuzesc*, *franţuzeşte*, *franţuzism*, *franţuzoaică*; *spilcui*, *spilcuit*) являются литературными элементами, в то время как заимствования, от которых они образованы (в данном случае — *franţuz* < русск., укр. *француз*, *spilcă* < укр., русск. *шпилька*, ср. и польск. *szpilka*), остаются по-прежнему на положении народных или областных слов.

Из рассмотренных выше фактов явствует, что восточнославянские лексические элементы, обнаруживающие внутреннюю однородность и представляющие собой системные явления, были полностью ассимилированы заимствующим языком (в частности, молдавскими говорами) как фонетически, так и морфологически, ибо все они подходят под нормальные образцы румынских слов, а изменяемые части речи склоняются или спрягаются по обычным румынским парадигмам.

¹ См. А. DAUZAT, *Histoire de la langue française* (русский перевод), М., 1956, стр. 138.

² См. VICTOR VASCENCO, *Elementele slave răsăritene...*, стр. 403—404.